

Научная статья

УДК 821.161.1-312.9

ББК 83.3 (2=411.2)-444.512

X 25

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-89-96

Способы моделирования художественного мира антиутопии в романе В. Сорокина «Манарага»

Ирина Нальбиевна Хаткова¹, Фатима Батырбиевна Бешукова²

^{1,2} Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,

¹ iren714@mail.ru, ² fat8474@yandex.ru

Аннотация:

Статья посвящена комплексному исследованию характерных для жанра антиутопии особенностей в романе В. Сорокина «Манарага». Особое внимание уделено рассмотрению особенностей структуры текста, построения системы персонажей и идиостиля писателя, а также способам реализации основной идеи романа «Манарага». Исследование базируется на текстологическом анализе и сравнительно-типологической методологии. Научная и практическая значимость статьи заключается в литературоведческой идентификации жанровой специфики романа В. Сорокина. Основные результаты и выводы настоящей работы заключаются в определении и описании отдельных признаков как романа писателя, так и его творчества.

Ключевые слова: Владимир Сорокин, русская литература, роман, структура текста, жанр, антиутопия, интертекстуальность, гротеск, метафоричность, символика

Для цитирования: Хаткова И. Н., Бешукова Ф.Б. Способы моделирования художественного мира антиутопии в романе В. Сорокина «Манарага» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С.89-96. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-89-96

Original Research Paper

Ways to model the artistic world of dystopia in V. Sorokin's novel "Manaraga"

Irina N. Khatkova¹, Fatima B. Beshukova²

^{1,2} Adyghe State University, Maykop, Russia,

¹ iren714@mail.ru, ² fat8474@yandex.ru

Abstract:

The article is devoted to a comprehensive study of the features characteristic of the genre of dystopia in the novel by V. Sorokin "Manaraga". Particular attention is paid to the consideration of the peculiarities of the structure of the text, the construction of the character system and the individual style of the writer, as well as ways to implement the main idea of the novel "Manaraga". The study is based on textual analysis and comparative-typological methodology. The scientific and

practical significance of the article lies in the literary identification of the genre specifics of V. Sorokin's novel. The main results and conclusions of this work are related to the definition and description of individual features of both the writer's novel and his work.

Keywords: Vladimir Sorokin, Russian literature, novel, text structure, genre, dystopia, intertextuality, grotesque, metaphorical nature, symbolism

For citation: Khatkova I.N., Beshukova F.B. Ways to model the artistic world of dystopia in V. Sorokin's novel "Manaraga" // Bulletin of Adyghe State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No.4 (307). P.89-96. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-89-96

Введение:

Зарождение отечественного литературного постмодернизма связано с именем В. Сорокина, который сегодня признан классиком этого направления. «Постмодерность – четвертая эпоха в развитии человечества, культуры, литературы. Ее приход относят к 50-60-м годам XX века» [1: 115]. После снятия цензурных запретов в конце 80-х годов XX века произведения В. Сорокина, появившиеся в свободном доступе, вызвали культурный шок у читательской аудитории, воспитанной на русской классике. Собственно, именно этого эффекта и добивался писатель, который в своих немногочисленных интервью не раз раскрывал свои авторские стратегии.

Культурный шок вызывает в текстах В. Сорокина многое – абсурдистские сюжеты, сцены крайней жестокости и садизма, развенчание идеалов советского строя, ненормативная лексика, язык, который даже может переходить в бессмысленный набор звуков. Отметим, что без объяснений авторской стратегии неподготовленному читателю трудно понять и смысл, и цель подобного текста. «XX век в литературе – эпоха продолжения традиций и формирования новых жанровых форм и, соответственно, литературоведческих терминов. Эстетика постмодернизма, транслирующая идеи о взаимодействии различных дискурсивных практик в пространстве художественного текста, привела к стилистическому эклектизму» [2: 101]. Но постепенно советская тема себя исчерпала, и В. Сорокин, как и

многие другие писатели-постмодернисты обратился к состоянию современного общества XXI века.

Главное изменение в творческой манере и авторском стиле прослеживаются в отходе от соцреалистической тематики в более сдержанном обращении к ненормативной лексике. Писатель считает, что «шоковая терапия» его первых произведений была необходима советскому читателю в период перестройки не только общественного устройства, но и мышления граждан. Эта тематика наиболее эффективно может быть представлена в жанре антиутопии, имеющем образцы в мировой литературе. Примером может быть роман писателя «Манарага». «Антиутопия – жанр художественной литературы, описывающий государственный или мировой уклад, в котором при изначальном стремлении к идеальному существованию для всех обитателей складываются негативные тенденции развития» [3]. Если утопия показывает идеальную реальность, то антиутопия противоположна ей.

Среди постмодернистских антиутопий в отечественной литературе можно выделить прежде всего роман Т. Толстой «Кысь», проблематика которого перекликается с романом В. Сорокина. Т. Толстая рисует цивилизацию после взрыва, в которой люди приобретают зооморфные черты, теряют представления о морали и нравственности, но что особенно интересно, в этом мире есть библиотека, заведующий которой весьма оригинально трактует классические книги.

Материалы и методы.

В процессе исследования романа В. Сорокина «Манарага» наиболее продуктивно опираться на методы анализа и синтеза, описательный метод. Необходимо использовать и методику интертекстуального анализа, обусловленного повышенной цитатностью в ее различных проявлениях, а также широким контекстом русской классической литературы, деконструкции идей русских классиков.

Целью является выявление основных жанровых особенностей романа-антиутопии, а также классификации использованных автором средств художественной выразительности.

Обсуждение.

Временем возникновения жанра антиутопии можно считать XX век. основополагающим в антиутопии является пародия на утопическую идею, доведенную до абсурда, поэтому антиутопию еще называют «негативной утопией». Она разрушает все утопические иллюзии, и фантастический, идеальный мир будущего утопии превращается в глубоко трагический. Обязательным условием возникновения этих жанров является недовольство действительностью, разочарование в общественном строе. В идейном плане антиутопия в противовес утопии показывает невозможность реализации положительных идеалов. «Анализ и критика отдельных негативных сторон социума и экзистенции в нем человека постепенно становятся все более значимыми, переплетаясь с утопией, но при этом обретая все большую самостоятельность, оперируя собственными ценностными характеристиками, приобретая специфические черты жанровой поэтики, что позволяет говорить о формировании особого литературного жанра – антиутопии» [4: 200].

В качестве основных черт антиутопии можно считать такие, как:

- замкнутое пространство;
- сословное разделение мира;

- язык со своими лексическими и синтаксическими особенностями;

- наличие персонажей, обладающих какими-либо отличительными чертами; это может быть герой-злодей, герой-бунтарь, герой-жертва, составляющие особое триединство.

Причины широкого распространения жанра антиутопии в отечественной литературе конца XX века вызвали дискуссии в современной литературной критике. Считая главной причиной актуализации антиутопии отсутствие возможности открытого обсуждения общественно-политических вопросов, Б.А. Ланин замечает: «Дело не только в прямых запретах, но и в возрождении виртуального «внутреннего редактора». Публичные дискуссии, столь характерные для 90-х годов, заменяются частичным информированием населения об уже предпринятых властями шагах. На это накладывается традиция нарочитого игнорирования футурологических исследований: их функции берет на себя антиутопическая литература» [5: 51].

Достаточно сложно отнести исследуемый нами роман В. Сорокина «Манарага» к какому-то определенному типу антиутопий, скорее всего он ближе к сатирической антиутопии, переплетенной с фантастикой. Этот вывод основывается на анализе особенностей персонажей. Все они подаются в сатирическом плане, наиболее серьезным выглядит лишь главный персонаж, но и ему свойственна самоирония. Главный герой романа – повар, скорее всего, образованный человек, он зарабатывает себе на жизнь доступным ему способом, так как очень хорошо разбирается в литературе и кулинарном искусстве. Наибольшего пика сатира достигает в описаниях псевдо-Л. Толстого, и жизнь, и творчество, и идеи которого подаются В. Сорокиным даже не в сатирическом, а в гротескном стиле.

Часть, посвященная Льву Толстому, вернее, человеку, выдающему

себя за русского классика, имитатору, несколько обособлена. В романе больше нет ни одного писателя, которого бы показали как личность и столь подробно. Очевидно, что В. Сорокин вступает в спор с классиком по основным вопросам его философии и, показывая Толстого иронично, пытается показать утопизм его идей. Иронично все – и гиперболизированная фигура писателя, и его псевдорусский быт, и слезливость, особенная ирония ощущается в сцене, когда русский классик идет к крестьянам по воде. Скрытая ирония заключается в неприятии В. Сорокиным обожествления русских классиков, возведения их в ранг учителей жизни и святых, достойных безоговорочного почитания.

Толстой приносит весну (символика обновления, возрождения природы), но в романе идет деметафоризация. Крестьяне знают, что весна начнется, когда придет Толстой, они ждут его каждый день. И этот момент наступает: *Толстой идет! Толстой идет! Люди стоят, глядя на реку, по которой идет большой человек. ... Лед на реке лопнул, затрещал и угрожающе задвигался сразу во многих местах. Но это не смутило идущего по нему человека, не заставило его ускорить шаг. ... Толстой пришел и лед пошел!... Тонкий прибрежный лед не выдержал его веса, и он провалился по самую шею..., но все это не смутило богатыря, - опираясь на ушедший под воду посох, по грудь, по пояс в воде он также неспешно стал выходить из воды на берег. ... Первыми подбежали к нему дети. И сразу стало видно, насколько велик этот человек – дети оказались ниже его колена. Толстой был в три раза выше взрослого мужчины [6: 67].*

Сюжетная линия, посвященная псевдо-Толстому, является структурным центром романа «Манарага». По мысли Сорокина, Толстой является одним из самых известных, особенно для зарубежного читателя,

русских классиков, и его идеи вызвали достаточно бурные дискуссии, но при этом были влиятельны. Идеи Толстого подаются в стилизованном варианте: *Сейте добро, копите добро, растите добро, жните добро, сушите добро, молотите добро, ссыпайте добро, храните добро, мелите добро, месите добро, пекуте добро, преломите добро, делите добро, вкушайте добро [6: 74].* Здесь Сорокин применяет постмодернистскую стилистику, создавая длинный, на первый взгляд, бессмысленный перечень. На самом деле он обыгрывает одно из основных понятий толстовского учения. Проповедь Толстого крестьянам заканчивается известной фразой: «Делайте добро! И спасетесь!» [6: 79]. То, что Толстой показан в ироничном ключе, гиперболизация его внешнего образа, устройства усадьбы, стилизованной под псевдорусский стиль, демонстрирует основную идею романа – критику литературоцентризма.

Не обойдены вниманием в «Манараге» и произведения Ф. Достоевского и Н. Гоголя: *Мраморная говядина на «Подростке». Стейк приличной толщины, это не аррачера. Книга в бумажной обложке. Внутри – тонкая любская бумага конца XIX века. Придется читать максимально быстро, «по диагонали». Такое чтение – высший пилотаж, мастера любят жарить на тонкобумажных книгах, потому что это – чрезвычайно показательный процесс. Главное – найти оптимальную скорость горения страниц. Это определяется чисто интуитивно. Лихое чтение. У нас это называется «пыхнуть в глаза». Но можно так пыхнуть, что книга сожжена, а стейк сырой. Плаха! И покатишься голова в белом колпаке... [6: 84]; И не успеваю я спалить Чичикова, пожаловавшего на вечеринку к губернатору в своем брусничном фраке с искрой, как какой-то молодой бандит в белом фраке без искры выхватывает пистолет и начинает палить в воздух [6: 164].*

Писатель выступает за вдумчивое, критичное отношение к литературе, он не приемлет безоговорочных авторитетов и «учителей жизни». Писатели – не боги, и это показывается в романе через иронию, подтекст, следовательно, они не могут внушать свои идеи, направлять мысли и действия людей, они только должны показывать жизнь во всех ее проявлениях.

Еще одним объектом его критики становится пошлость (пошлятина), которая охватила почти все современное общество. Проявления пошлости писатель видит в заезженных стереотипных «культурных объектах» (растиражированные картины, модная музыка, массовая литература): *Что такое пошлятина? Трубоч (скрипач) на крыше, его острый и независимый профиль на фоне пламенеющего заката (восхода); грустный (веселый) клоун, настоящие слезы (улыбку) которого никто не увидит; молодая (пожилая) героиня, мучительно вглядывающаяся в окна уходящего (прибывающего) поезда и повторяющая словно в бреду: «Он все-таки уехал (приехал)». А литература второго сорта?* [6: 19].

Мир, нарисованный В. Сорокиным, аллегоричен и при всей своей фантастичности не вызывает удивления. Цифровизация приводит к быстрому просмотру необходимого контента, а такие чувства, как удовольствие от чтения бумажного издания многим уже не знакомы. Таким образом, сам сюжет типичен для антиутопии – это критика определенных сторон жизни современного общества, предупреждение человечеству через показ будущего.

Следующими последствиями всеобщего увлечения гаджетами и интернетом станет отсутствие способности самостоятельного мышления. Бодрийяр утверждал: «По мере развития технического прогресса мир все больше выходит из-под контроля человека, который не успевает создавать адекватный реальности

образ мира и осмысливать все более новые технические усовершенствования» [7: 68]. Но человечество и с этим справилось достаточно успешно. Придуманы умные блохи, и даже есть блошинный рынок, только это не известное название развалов, где продавали старые и антикварные вещи, а рынок реальных блох, так называемых интеллектуальных помощников. Человеку не нужно уже напрягаться, чтобы учиться, читать, самостоятельно мыслить, все это за него делают блохи, которые вживляются в организм: *Мои умные блохи помогают мне. Их у меня три: красная, синяя, зеленая. Красная – самая важная, она ведет моим психосомом + вписывает меня во время + делает меня умнее. Дорогая игрушка, 7-я версия за сто тысяч прыгнула в варолиев мост моего мозга полгода назад. Синяя, навигационная, пасется в волосах. Зеленая, информационно-коммуникативная, живет в ушной раковине* [6: 21].

Повествование ведется от лица главного героя, непосредственного участника всех событий. Происходящее подается через его видение, эмоции и восприятие ситуации. Он много путешествует, побывал со своим инструментом во всех странах мира, может судить об особенностях характера, быта и пристрастий людей различных национальностей. Также очень много текстового пространства отводится рассуждениям о книгах и авторах. Только книжный повар оценивает произведения мировой литературы с точки зрения их утилитарной пригодности – как бумага, переплет, насколько редкая эта книга (это один из главных показателей, увеличивающий ее цену).

Книжных контрабандистов называют букинистами, в этом видна ирония, так как они воруют книги, ходят с охраной и сами вооружены блокбастерами. Повар Геза часто работает с Марселем и Валидом, которые уже пять лет возят ему русские

«дрова», которые сейчас в моде. Дрова привозят в металлических кофрах, повар для осмотра товара надевает белые перчатки – это ведь огромная «ценность». Например, о привезенных двух собраниях сочинений и отдельных книжках в бумажных обложках Чехова сказано: *Они идеальны для быстрого чтения – креветки, лягушачьи лапки, поросячьи уши... На Чехове я жарю всегда с удовольствием. Легкий автор. В свое время он был массовым писателем и выходил на недорогой бумаге средней толщины. С ней проблем нет, она горит не быстро и не медленно* [6: 23].

Все, что он говорит – сплошная метафора, у него образный язык, тонкое восприятие, и иногда кажется, что он говорит о содержании: *Почем «Степь»? – беру я книгу 1908 года издания. Как от нее пахнет, боже мой! Я люблю раскрыть поле, втянуть носом запах его освинцованных страниц. Навсегда ушедший мир... «Осенние сумерки Чехова, Чайковского и Левитана...», как писал поэт и тут же подсказывает блоха. Все-таки жаль, что не принято жарить на поэзии, я бы с удовольствием отгрохал классный банкет на раннем Пастернаке* [6: 23]. Можно увидеть аллюзии к Пастернаку, но это вспомнил не сам Геза, а подсказала ему интеллектуальная блоха.

В романе четко выдерживается хронотоп, всегда обозначается время (вплоть до даты, времени суток) и место действия. Это важно для структуры антиутопии, так как создает иллюзию достоверности происходящего, также охват огромного географического пространства требует точности. Герой не просто путешествует, он рассказывает о нравах разных этносов, особенно в плане кулинарных и «литературных» пристрастий. Отметим, что для романа Сорокина характерно возвращение в прошлое: герой вспоминает о своем тяжелом детстве, что во многом объясняет его внешнее равнодушие.

Структура романа «Манарага» типична для В. Сорокина. Роман имеет два плана. В первой части не происходит никаких захватывающих событий. Повар переезжает с места на место, готовит на «дровах», отбирает поленья, рассуждает о человеческой натуре, литературе, о жизни. Но происходит событие, которое ускоряет действие, и роман начинает приобретать черты приключенческого текста. Возникает угроза для корпорации *book'n'griller*, для их идеи. Теряется главное – эксклюзивность дров, которые становится добывать все труднее. Находятся предприимчивые деятели из этой же среды, бывшие повара, которые хотят поставить на поток производство полных копий оригиналов книг. Разработан план создания целой сети специальных ресторанов, где на совершенных печах будет на книгах готовиться пища, но гореть будут подделки. Находится лаборатория на горе Манарага, и Гезе поручено пробраться туда и по возможности остановить отступников.

Финал апокалиптический: происходит бойня, «революционеры» побеждают, так как за ними новые технологии, а миру нужно все больше дров. Гезе подменяют блох, погружают его в райские кущи, и он отказывается от прежних принципов и принимает новую идею с восторгом: *Только сейчас я понимаю всю грандиозность грядущей революции. Образ молекулярной машины, этого чуда, переливается, сияет всеми цветами радуги. Это волшебная гусеница с совершенным мозгом и сильным телом. Она ползет, раздвигает время и пространство. Она вползает в сияющее будущее. Революция!* [6: 215].

Гезе видятся прекрасные картины: *Обеспеченная семья идет вечером в ресторан «Дон Кихот». Другая – в «Улисс». Третья – в «Процесс».*

Вкусный обед из четырех блюд на первоизданиях. Печь стоит возле стола, полюбуйтесь, дети,

как горит великий роман. Дорогой, как это красиво. Тебе нравится, дорогая?

Счет, пожалуйста. Все было вкусно? Да, благодарим вас. Приходите к нам еще [6: 198].

Финал вполне понятен. Человек будущего не имеет собственного мнения, он не в состоянии принимать решения и отстаивать свои идеи. Вопрос не в том, что идеи сомнительные, а в том, что он марионетка, и можно просто внедрить в него нужную блоху и дать физических удовольствий, пообещать материальные блага, и он согласится на любую революцию.

Текст «Манараги» насыщен интертекстуальными элементами: цитаты из книг, аллюзии на известные имена и события, коллаж литературной лексики и профессионального и уголовного жаргона, рядом могут соседствовать высокопарные выражения и обценная лексика.

Для полного проникновения в текст нужен подготовленный читатель, который сможет увидеть отсылки к другим текстам. Сорокин вступает в своеобразную игру с читателем, предлагая в качестве фрагментов из дров и свои собственные сочинения, что говорит о том, что и к своему творчеству он относится иронично.

А. Наринская, комментируя роман, отмечает: «Одна метафора целенаправленно убивает другую, насмешка над индивидуальностью отступает перед страхом безличности. Все эти смехотворные вроде бы персонажи, впадавшие в транс, вкусив запретного шашлыка из осетрины на «Идиоте», задним числом

теряют в карикатурности. В конце концов в выражении «глотать книги» нет ничего странного, а разве не это они делали, рискуя многим? Сближение с культурой требует душевной смелости, даже легкого сумасшествия. А культура, превращенная в фастфуд, не требующая от «потребителя» никаких усилий, становится суррогатом, фейком, профанацией. И наступает полная манарага» [8: 115].

Результаты.

В целом можно заключить, что в качестве основных жанровых характеристик антиутопии на примере исследуемого текста В. Сорокина можно считать такие черты, как футурологичность (действие происходит в будущем), черты альтернативной истории (автор предлагает свой вариант развития общества), предупреждение (сюжет романа показывает полное духовное обнищание человечества), «псевдокарнавальность», интертекстуальность, гипербола и гротеск, абсурд, символика, метафоричность, фантастические образы и другие. Сама идея использовать мировые литературные шедевры в качестве дров – это профанация, осквернение того, во что еще верят миллионы людей – в силу искусства, его важность для человека и его эстетическую и духовно-нравственную функцию в жизни общества.

На основании сказанного можно заключить, что роман В. Сорокина «Манарага» – оригинальное и многоплановое произведение, написанное в постмодернистской стилистике и имеющие характерные типологические признаки романа – антиутопии.

Примечания:

1. Капец О.В., Капец В.П. Постмодернистский аспект творчества М.А. Булгакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2020. Вып. 2. С. 114-120.

2. Бешукова Ф.Б., Пшизова А.К. Структурно-семантические особенности филологической прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2022. Вып. 3. С. 101-106.

3. Антиутопия. Словарь современного читателя. URL: <https://eksmo.ru/slovar/antiutopiya/>

4. Шишкина С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. Вып. 2, Раздел 4: Филология и литературоведение. С. 199-208.
5. Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия. Москва, 1993.
6. Сорокин В. Манарага. Москва: АСТ: Corpus, 2017. 223 с.
7. Baudrillard J. The Illusion of The End / trans. by C. Turner. Oxford: Polity Press, 1994.
8. Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (введение в эстетику постмодернизма). Москва: ИФРАН, 1995.

References:

1. Kapets O.V. Postmodern aspect of M.A. Bulgakov's works / O.V. Kapets, V.P. Kapets // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. Iss. 2. P. 114-120.
2. Beshukova F.B. Structural and semantic features of philological prose / F.B. Beshukova, A.K. Pshizova // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2022. No. 3. P.101-106.
3. Dystopia. Dictionary of the modern reader. [Electronic resource]. Access mode: <https://eksmo.ru/slovar/antiutopiya/>
4. Shishkina S.G. Literary anti-utopia: on the issue of the boundaries of the genre / S.G. Shishkina // Bulletin of the Faculty of Humanities of Ivanovo State University of Chemical Technology. Iss. 2. Section 4. Philology and Literary Studies, 2007. P.199-208.
5. Lanin B.A. Russian literary anti-utopia / B.A. Lanin. M., 1993.
6. Sorokin V. Manaraga / V. Sorokin. M.: AST, Corpus, 2017. 223 pp.
7. Baudrillard J. The Illusion of The End / J. Baudrillard. Transl. by C. Turner. Oxford: Polity Press, 1994.
8. Mankovskaya, N.B. Paris with snakes (an introduction to the aesthetics of post-modernism) / N.B. Mankovskaya. M.: IFRAN, 1995.

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 29.10.2022; одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The paper was submitted 29.10.2022; approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 22.12.2022.

© И. Н. Хаткова, Ф. Б. Бешукова, 2022